

УДК 811.112.2'36 + 81'36

ПРОБЛЕМА ОДНОСОСТАВНОСТИ И ДВУСОСТАВНОСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ГРАММАТИКЕ

О.В. Якушева

Принцип двусоставности предложения обусловлен онтологически. Формирование грамматических категорий предложения связано с формированием номинативного строя, свойственного всем индоевропейским языкам, которые выражают категориальное логическое (аналитическое) мышление. Всякий человек, анализирующий язык и мышление, неизбежно сталкивается с категориями логики и грамматики, поэтому рассматривая устройство предложения, необходимо различать его понятийную и структурную (грамматическую) сторону.

Ключевые слова: структура предложения; грамматические категории; понятийные категории; объективное логическое лицо.

Интерес к проблеме «односоставность – двусоставность» – одному из «проклятых вопросов языкознания» [1] – связан как со специфическими задачами языковой типологии, так и с собственно теоретическими проблемами синтаксиса.

Предложение, по словам Ю.А. Левицкого, входит в круг «вечных вопросов» грамматики и лингвистики вообще [5]. В предложении своеобразно совмещаются и пересекаются разнородные структуры – мышления, формальной организации, события реальной действительности, сообщения об этом событии, соотнесенного с ситуацией коммуникации и предшествующими (и последующими) сообщениями. Поскольку предложение сложно и многогранно, исследователи пришли к идее разностороннего изучения предложения, выделяя различные его стороны – аспекты предложения. В настоящее время многие авторы (В.Г. Адмони, Г. Хельбиг, О.И. Москальская, В.Г. Гак, Б.А. Абрамов, Т.П. Ломтев, Ю.А. Левицкий и др.) выделяют три уровня (аспекта) предложения: синтаксический (структурный), семантический (номинативный), формально-коммуникативный (прагматический). Предложение как объективная реальность существует непосредственно в речи человека и доступно для восприятия и изучения, но в то же время оно имеет прямое отношение к языку, а значит, к мышлению человека.

Формирование грамматических категорий предложения связано с формированием номинативного строя, свойственного всем индоевропейским языкам. По нормативным грамматическим правилам современного языка номинативного строя (например, русского и немецкого) предложение как единица языка имеет определённую форму, базирующуюся на граммати-

ческой основе: подлежащее, выраженное именем существительным (местоимением) в именительном падеже (отсюда и название «номинативная», от латинского *nominativus* «именительный падеж»), и сказуемое, выраженное личной формой глагола, которое согласуется с подлежащим.

Принцип двусоставности предложения обусловлен онтологически. В философских и в лингвистических теориях (И. Канта, Э. Кассирера, А.Ф. Лосева, Г. Гийома) все настойчивей высказывается идея о том, что формы языкового представления категорий мышления складываются на основе универсальных форм восприятия человека. В языковом сознании они образуют универсум-Пространство и универсум-Время, порождающие имена и глаголы. В докатегориальном мышлении древнего человека универсум-Пространство и универсум-Время и ощущение себя внутри было единым. Представление об этом нерасчлененном ОНО-БЫТИИ актуализировалось в аморфной речевой форме [7]. При этом ОНО включало в себя понятие универсума, то есть единого всеобщего окружающего мира, неотделимой частью которого был и сам человек. Г. Гийом для обозначения этого универсального объекта вводит термин «логическое лицо». Логическое лицо – это отсутствующее в речевой ситуации, но обязательно объективно присутствующее в языковом сознании 3-е лицо [3]. Исходя из положений психосистематики, мы рассматриваем объективное логическое лицо как опору, которая служит основанием любого речезыкового механизма, в частности является семантической опорой категории подлежащего.

Таким образом, грамматически двусоставная структура предложения типична для большинства языков, которые выражают категориальное логическое (аналитическое) мышление, в том числе для русского и немецкого языков.

Однако, объясняя природу предложения как единицы языка, его уровней, категорий, разные направления в современной синтаксической теории по мере развития обнаруживают серьезные и принципиальные расхождения концепций. Причина этого кроется в самой теории синтаксиса предложения, находящейся и до сегодняшнего дня в некоторой степени под влиянием логики [8]. Традиция монопольного закрепления функции подлежащего за именительным падежом существительного подвергалась сомнению еще в XIX веке. Споры о сущности подлежащего в русском языке ведутся уже более века, родились они из попытки совместить грамматическую форму этого члена предложения с содержательными компонентами психологического или семантического аспектов предложения. Вопрос о падеже подлежащего и в связи с этим, вопрос об односоставности или двусоставности предложения тесно связан с логико-грамматическими понятиями подлежащего и субъекта предложения. Сам традиционный терминологический аппарат, обслуживающий теорию предложения, не вносит ясности и однозначности и затрудняет осмысление (дифференциацию)

грамматических и понятийных языковых категорий: термины *предложение* (калька от *prōpositio*), *субъект* (*subjectum*), *предикат* (*praedicātum* – букв. *сказуемое*), *подлежащее* (калька от *suppositum*) пришли в грамматику из логики. В грамматической терминологии Германии также не существует специальных терминов для именованья «субъекта» и «подлежащего», «предиката» и «сказуемого», они обозначаются общими терминами *das Subjekt* (субъект) и *das Predikat* (предикат).

Таким образом, рассматривая устройство предложения, необходимо различать его понятийную и структурную (грамматическую) сторону, ибо всякий человек, анализирующий язык и мышление, неизбежно сталкивается с категориями логики и грамматики. Ошибкой грамматистов, как в Средние века, так и в Новое время, было отождествление логических и грамматических категорий, что проявилось в логической ориентации в описании и изучении явлений синтаксиса.

Исследования в области теории предложения (В.В. Виноградов, В.Г. Адмони, И.И. Мещанинов, Б.А. Абрамов, С.Д. Кацнельсон, Н.С. Валгина и др.) выявляют, что между субъектом и грамматическим подлежащим, между предикатом и сказуемым не существует безусловного тождества. Используя выражение А.Ф. Лосева, подлежащее – это языковое представление и, следовательно, выражение «чего бы то ни было как» субъекта, а сказуемое – это языковое представление и выражение «чего бы то ни было как» предиката [6], отметим, что подлежащее и сказуемое – это структурные члены предложения. Субъект и предикат не являются членами предложения, в отличие от подлежащего и сказуемого. Однако чаще всего своё формальное выражение субъект получает в грамматическом подлежащем, а предикат – в сказуемом. Грамматическое оформление и выражение субъекта и предиката имеет свои особенности не только в языках различных систем, но и в одном и том же языке.

Русский язык допускает одновременное выражение субъекта в обоих членах предложения, но не делает его обязательным (в русском языке, в отличие от немецкого, омонимичности глагольных окончаний нет). Немецкий язык наоборот, требует выражение субъекта и в подлежащем, и в сказуемом, несмотря на развитый строй личного спряжения глагола. Сравните, русское предложение *Ты будешь говорить?* – *Да, буду говорить* и немецкое предложение *Wirst du sprechen?* – *Ja, ich werde sprechen*. Тяготение к двусоставному предложению, то есть к отдельному выражению субъекта и предиката двумя членами предложения – подлежащим и сказуемым, становится тем более обязательным, когда сказуемое не содержит в себе выражения субъекта или содержит слишком общее на него указание, что характерно для 3 лица единственного числа. Субъект, не имеющий точного обозначения в глаголе, ясен только тогда, когда он уже под-сказан контекстом предложения или его конкретизация достигается поста-

новкою подлежащего. Сравните, в русском языке *Отец идѐм?* – *Да, идѐм* (субъект второго предложения подсказан контекстом первого); *человек идет, корова идет, дождь идет* (сказуемое само по себе недостаточно конкретизовано в выражении субъекта); в немецком языке *Klingelt der Vater?* – *Ja, er klingelt. Man klingelt. Es klingelt* (так же сказуемое само по себе недостаточно конкретизовано в выражении субъекта, поэтому обязательно присутствие подлежащего).

Формы подлежащего в русском языке представляют систему, упорядоченную по принципу «ядро-периферия». Ядром системы является форма именительного падежа существительного – эталон подлежащего. Все другие формы подлежащего ориентируются на эталон. В русском языке в роли подлежащего используются местоимения-существительные разных разрядов, имеющие предметно-указательное и разрядное значения, прилагательные, местоимения-прилагательные, причастия в позиции подлежащего субстантивируются; то же касается наречий [2]. Это периферия системы форм подлежащего. Особое место среди форм подлежащего занимают синтаксически неделимые словосочетания. Инфинитив также можно квалифицировать как аналог подлежащего. Определение места инфинитивных и безличных предложений в системе типов простого предложения в современной русской лингвистике вызывает много дискуссий. Одни ученые выделяют их в особую разновидность односоставных предложений (А.А. Шахматов, А.М. Пешковский, В.В. Адмони, Н.С. Валгина, П.А. Лекант), другие – рассматривают семантико-синтаксическую структуру предложения и утверждают, что все предложения, в том числе безличные, двусоставны (Г.А. Золотова).

Основной формой подлежащего в немецком языке, как и в русском, является имя существительное в форме именительного падежа, однако способность всех частей речи к субстантивации позволяет любому слову занимать позицию подлежащего. В качестве подлежащего в немецком предложении также функционируют местоимения (личные, вопросы-тельные *wer, was*, неопределенно-личные местоимения *man, jemand, niemand*, безличное местоимение *es*). Немецкий язык отличается от русского языка, где отмечается ряд отклонений от двусоставной структуры предложения: возможность варьирования именительного и дательного падежа при передаче экспериенцера (*Я хочу; Я должен – Мне хочется; Мне нужно*); предпочтение безличного оформления, передающих отношение обладания (*У него есть...*); наличие так называемых безлично-страдательных конструкций (*Город разрушило землетрясением*); использование предикативного творительного падежа после эксплицитной связки (*Он студент – Он был/стал студентом*), а также многие другие безличные конструкции (*Здесь много народу; Там никого не было; Ему пять лет*). В немецком языке в отличие от русского языка, отклонения от двусоставной структуры

предложения редки, такие фразы являются исключениями. Сравним: нем. *Mir ist Angst; Mich friert* – рус. *Мне страшно; Мне холодно* [4]. В немецком языке способность всех частей речи к субстантивации позволяет любому слову занимать позицию подлежащего, инфинитив тоже способен к субстантивации: *Furchtbares ist geschehen. Reden ist Silber, Schweigen ist Gold*. Субстантивация придаёт понятиям независимость, свойственную существительным [9].

Таким образом, подлежащее – это всегда именной член предложения, как бы он ни был оформлен морфологически, как в русском, так и в немецком языке. Грамматически односоставное предложение – не значит бес-субъектное, так как присутствие субъекта в предложении заложено в самом понятии концептуальной семантической схемы предложения, а именно, в понятии объективного логического лица.

Основной особенностью оформления сказуемого в немецком языке, в отличие от русского языка, является его более грамматизованный характер. В немецком предложении грамматическая категория сказуемого, выраженная личным глаголом, достигает наибольшей грамматизации во вспомогательных глаголах (глаголы-связки) и безличных глаголах, что делает немецкое предложение структурно двусоставным.

Библиографический список

1. Адмони, В.Г., Двучленные фразы в трактовке Л.В. Щербы и проблема предикативности / В.Г. Адмони // Филологические науки – М., 1960.
2. Валгина, Н.С. Современный русский язык: Синтаксис / Н.С. Валгина. – М.: Высшая школа, 2003. – С. 92–94.
3. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М.: Прогресс, 1992. – С. 123.
4. Зеленецкий, А.Л. Теория немецкого языкознания / А.Л. Зеленецкий, О.В. Новожилова. – М.: Академия, 2003. С. 32.
5. Левицкий, Ю.А. Основы теории синтаксиса / Ю.А. Левицкий. – М.: Ком Книга, 2005. – 368 с.
6. Лосев, А.Ф. Знак. Символ. Миф / А.Ф. Лосев. – М.: МГУ, 1982. – 480 с.
7. Турбина, О.А. Формирование французского классического предложения: системный и структурный аспекты / О.А. Турбина. – Челябинск: ЧГУ, 1994. – С. 132.
8. Турбина, О.А. Отношения между языковыми и логическими категориями / О.А. Турбина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2004. – Вып. 1. – № 7(36). – С. 4–7.
9. Шишкова, Л.В. Синтаксис современного немецкого языка / Л.В. Шишкова, Т.Ю. Смирнова. – М.: Академия, 2003. – С. 66.

[К содержанию](#)